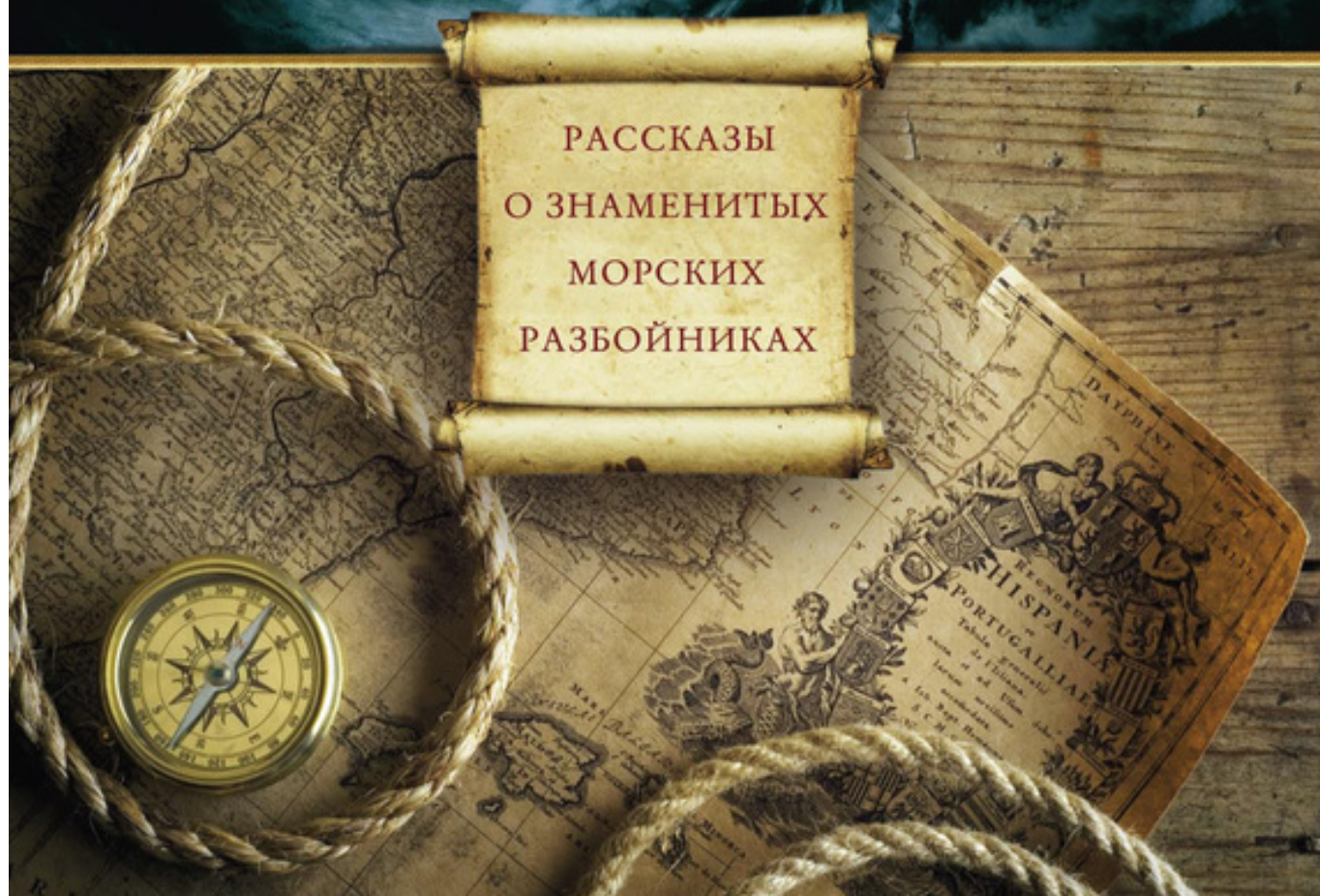

ЧАРЛЬЗ ЭЛМС

ПИРАТЫ

РАССКАЗЫ
О ЗНАМЕНИТЫХ
МОРСКИХ
РАЗБОЙНИКАХ

Чарльз Элмс

**Пираты. Рассказы о
знаменитых разбойниках**

«Центрполиграф»

УДК 94(100)
ББК 63.3(0)51

Элмс Ч.

Пираты. Рассказы о знаменитых разбойниках / Ч. Элмс —
«Центрполиграф»,

Эта увлекательная книга, посвященная истории морского пиратства, уникальна широтой охвата темы: в ней рассказано о датских, норманнских, испанских, вест-индских, малайских, алжирских и многих других жестоких и беспощадных морских разбойниках, наводивших страх на моряков и мирный торговый люд в разных районах Мирового океана. Повествования о жизни флибустьеров, дополненные материалами судебных процессов, отчетами адмиралтейства, рассказами несчастных, попавших в руки пиратов, о страданиях и злключениях, которые им пришлось пережить, позволят узнать много интересного всем, кто интересуется захватывающими историями о людях, плававших под черным флагом много лет назад.

УДК 94(100)
ББК 63.3(0)51

© Элмс Ч.
© Центрполиграф

Содержание

Предисловие	6
Вступление	8
Датские и норманнские пираты	11
Приключения и подвиги капитана Эвери	18
Замечательная история иоассамитских пиратов в Персидском заливе	28
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Чарльз Элмс

Пираты. Рассказы о знаменитых морских разбойниках

Charles Ellms

The pirates own books. Authentic narratives of the most celebrated sea robbers

© Перевод, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016

© Художественное оформление, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016

* * *

Предисловие

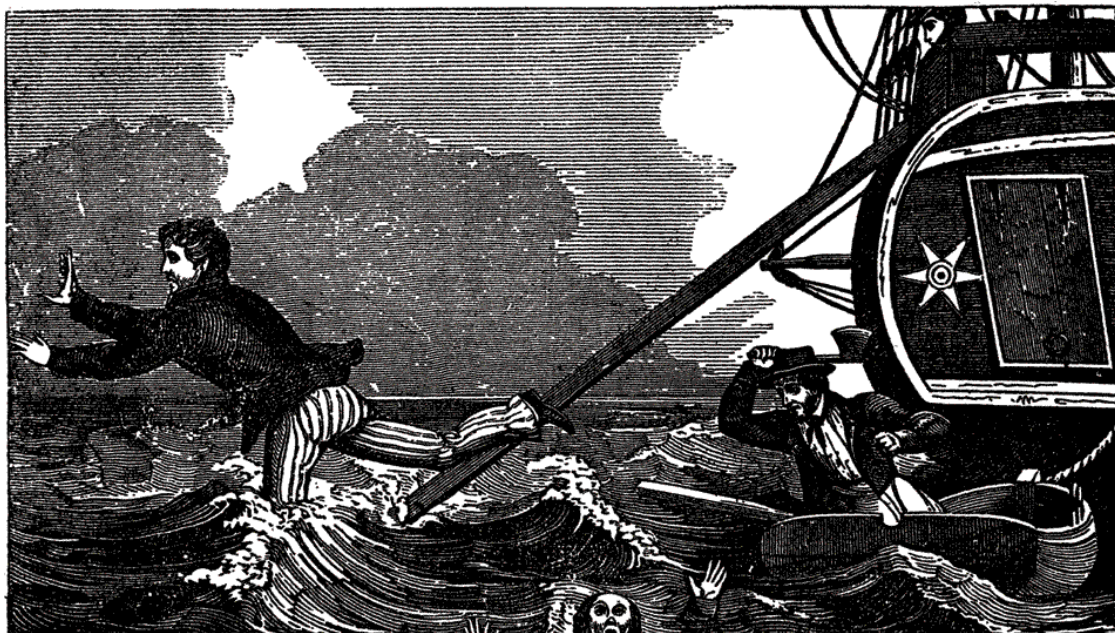
Моряки всех стран испытывают сверхъестественный страх перед пиратами; вряд ли отыщется много таких тем, которые интересовали бы людей и возбуждали их любопытство сильнее, чем отчаянные поступки, грязные дела и дьявольские карьеры этих чудовищ в человеческом обличье. Пиратская команда обычно состоит из отщепенцев и разбойников всех стран и наций. Ремесло пиратов самое опасное, поэтому, когда не бороздят океаны, эти торные дороги человечества, они прячутся на мало кому известных островах или скрываются по берегам рек, заливов и лагун, которые покрыты густым лесом и совершенно безлюдны, а в случае погони бегут в чащу леса или в горы. Острова Индийского океана, а также восточное и западное побережья Африки и Вест-Индии в течение многих веков были излюбленным пристанищем пиратов. Они часто захватывали суда в акватории Атлантического и Индийского океанов, убивали членов команды и пассажиров, забирали себе деньги и самые ценные грузы и топили захваченный корабль, чтобы уничтожить следы преступления, заставляя друзей и родственников погибших оплакивать их судьбу. Всем было известно, что они погибли от рук соотечественников, которые, исповедуя заповедь «Мертвые молчат», продолжали безнаказанно творить свои черные дела. Пираты обожают женщин и вино; сидя на берегу, возбуждают себя горячительными напитками и устраивают дебоши, распевая старые пиратские песни; припев одной из них звучит так:

Осушим стаканы, кто рядом сидит.
Гори все на свете огнем!
Пусть небо ворчит, пусть дьявол рычит,
Осушим и снова нальем!

Часы отдыха пролетали в диких и экстравагантных выходках, среди густых пальмовых зарослей и пряных рощ тропического пояса, наполненных ароматами прекрасных цветов. Пираты угощались фруктами изумительного вкуса и развлекались с наивными дочерьми Африки и обеих Индий. Можно было подумать, что их ремесло приносит им одни лишь удовольствия.

Но смутная тревога и дурные предчувствия, когда пирата вдруг охватывали угрызения совести, были очень сильны, ибо в душе каждого человека, цивилизованного или дикаря, живет моральное чувство, которое осуждает его, когда он совершает насилие, даже если он попадает в ситуацию, когда наказать его может только Бог.

Со словом «пират» ассоциируются также представления о богатой добыче, ларцах с драгоценными камнями, сундуках, набитых золотыми вещами, мешками монет, спрятанных в тайниках, в не доступных никому местах или зарытых на пустынном берегу реки или неисследованном морском побережье, под скалами или деревьями, которые помечены таинственными знаками, подсказывавшими, где хранится сокровище. Пираты всегда стремились спрятать или зарыть свою добычу, но, поскольку их жизнь была полна опасностей и они частенько погибали или попадали в плен, почти никто из них не появлялся на этом месте снова. Огромные сокровища оставались лежать в земле, и след их часто терялся. Многие люди пытались отыскать эти сокровища; они без устали копали землю, предвкушая, как лопаты начнут выбрасывать на поверхность золотые слитки, алмазные кресты и сумки с золотыми дублонами или наткнутся на крышку сундука, набитого мойдорами (старинными португальскими монетами), дукатами и жемчугом. Да, земля хранит много зарытых сокровищ, но мало кому удастся их отыскать.

Сцена из жизни пиратов «Хожение по доске»

Вступление

По нормам международного права всякий разбой или насильственное ограбление в открытом море, *animus furandi*, квалифицируется как пиратское действие. Понятие «открытое море» включает в себя не только воды океана, границы которых не видны с берега, но и прибрежные воды ниже отметки максимального отлива как в пределах территориальных границ иностранного государства, так и своей родной страны. Блекстоун утверждает, что открытое море начинается за отметкой максимального отлива. Но между отметками максимального прилива и максимального отлива общее право и адмиралтейское право имеют *divisum imperium*, то есть альтернативную юрисдикцию: первому подлежат все воды во время прилива, а второму – суша, обнажающаяся во время отлива. Без сомнения, он имеет в виду воды океана, омывающие берег этого океана, а не берега рек и заливов. Лорд Хейл считает, что внутренним морем называется водное пространство, лежащее внутри страны либо за ее пределами. Открытым морем или океаном считается то, что лежит вне ее пределов. Таким образом, для Соединенных Штатов понятие «открытое море» означает часть океана, которая омывает побережье, находящееся за пределами какой-либо страны, согласно общему праву; а для других стран – любое водное пространство, омывающее берега этих стран, за пределами отметки максимального отлива.

Пиратство – это преступление против законов человечества, а пират, по определению Эдварда Кока, *hostis humani generis* (враг всех людей). Поэтому он лишается всех благ, дару-

емых обществом и правительством, и возвращается в состояние дикаря, поскольку объявил войну всему человечеству. Человечество в ответ должно объявить войну ему, так как каждое сообщество имеет право, по закону о самообороне, подвергнуть его такому наказанию, которому обычно подвергают дикарей, то есть распорядиться его жизнью и имуществом по своему собственному усмотрению. По законам Англии и США пиратством считаются и другие преступления. Так, если подданный одной из этих стран совершит в открытом море враждебное действие по отношению к другому их подданному, будучи нанятым для этой цели каким-нибудь иным государством, то это квалифицируется как пиратство. Если капитан какого-нибудь судна или моряк уведет насильственным образом судно, товары другого лица или добровольно отдаст их в руки пиратов или если моряк совершит насилие по отношению к своему командиру, в надежде помешать ему защитить свой корабль или вверенные ему грузы от нападения, или поднимет на корабле мятеж, то эти действия, по закону США и Англии, тоже считаются пиратскими. В Англии по указу № 8 Георга I, глава 24, торговля или переписка с известным пиратом или насильственное вторжение на борт торгового судна (хотя и без его захвата или увода), а также уничтожение любого груза на борту считаются пиратским актом. По указу № 18 Георга II, глава 30, любой уроженец страны или натурализовавшийся иностранец, который в годы войны совершит какое-нибудь враждебное действие в море против любого подданного этой страны или окажет в этом помощь врагу, должен быть наказан как пират. Согласно статье 25 указа Георга II, взятие выкупа с судна нейтрального государства, захваченного капитаном частного военного судна, квалифицируется как пиратство. Согласно акту конгресса США от 30 апреля 1790 года, человек, совершивший убийство или ограбление в открытом море, в реке, заливе или бухте, находящихся под юрисдикцией какого-нибудь штата, или какое-нибудь другое преступление на территории графства, которое, по законам США, карается смертью, то он будет подвергнут наказанию как пират. Согласно закону конгресса США 1820 года, статья 113, любой гражданин США, входящий в состав команды иностранного судна, или человек, входящий в состав команды судна, целиком или частично принадлежащего какому-нибудь гражданину этой страны, принимающий участие в иностранной торговле рабами, должен быть судим как пират. Однако, невзирая на выражение, которое используется в этом указе, как утверждает канцлер Кент, этот вопрос еще до конца не улажен. Будущее покажет, будет ли участие в торговле рабами квалифицироваться в Кодексе международного права как пиратство. В Англии актом парламента от 31 марта 1824 года торговля рабами признается пиратством. Была предпринята попытка заключить конвенцию между США и Великобританией, согласно которой обе страны признают подобную торговлю пиратской деятельностью, но она оказалась неоднозначной. Во времена короля Ричарда III, по законам Оберона, пиратами считались все неверные, а их имущество подвергалось конфискации, где бы его ни обнаружили. По законам наций, отнятые пиратами товары не считаются их собственностью, а остаются собственностью владельца. Согласно гражданским установлениям Испании и Венеции, суда, захваченные у пиратов, переходят в собственность того, кто это сделал. Пиратская деятельность везде преследуется по закону и карается смертью, и пираты не получают никаких прав на захваченное добро. Судьям, ведущим процесс по делу о пиратстве, совершенно безразлично, кем и где был совершен пиратский захват. Пирата могут судить и наказать в любой стране, где бы его ни обнаружили, ибо он не защищен никакими законами. Но если, согласно указу правительства какой-нибудь страны, преступление, совершенное на борту принадлежавшего этой стране судна, относится к категории пиратских, то это преступление называется исключительно по законам того государства, которое издало такой указ. В Англии дела о пиратских преступлениях рассматривали только суды адмиралтейства, в которых не было присяжных заседателей, а преступников судили по законам гражданского права. Но указом Генриха VIII, статья 15, было установлено, что пиратов должны судить комиссионеры, назначенные лорд-канцлером. Вердикт сначала выносился большим жюри из двенадцати чело-

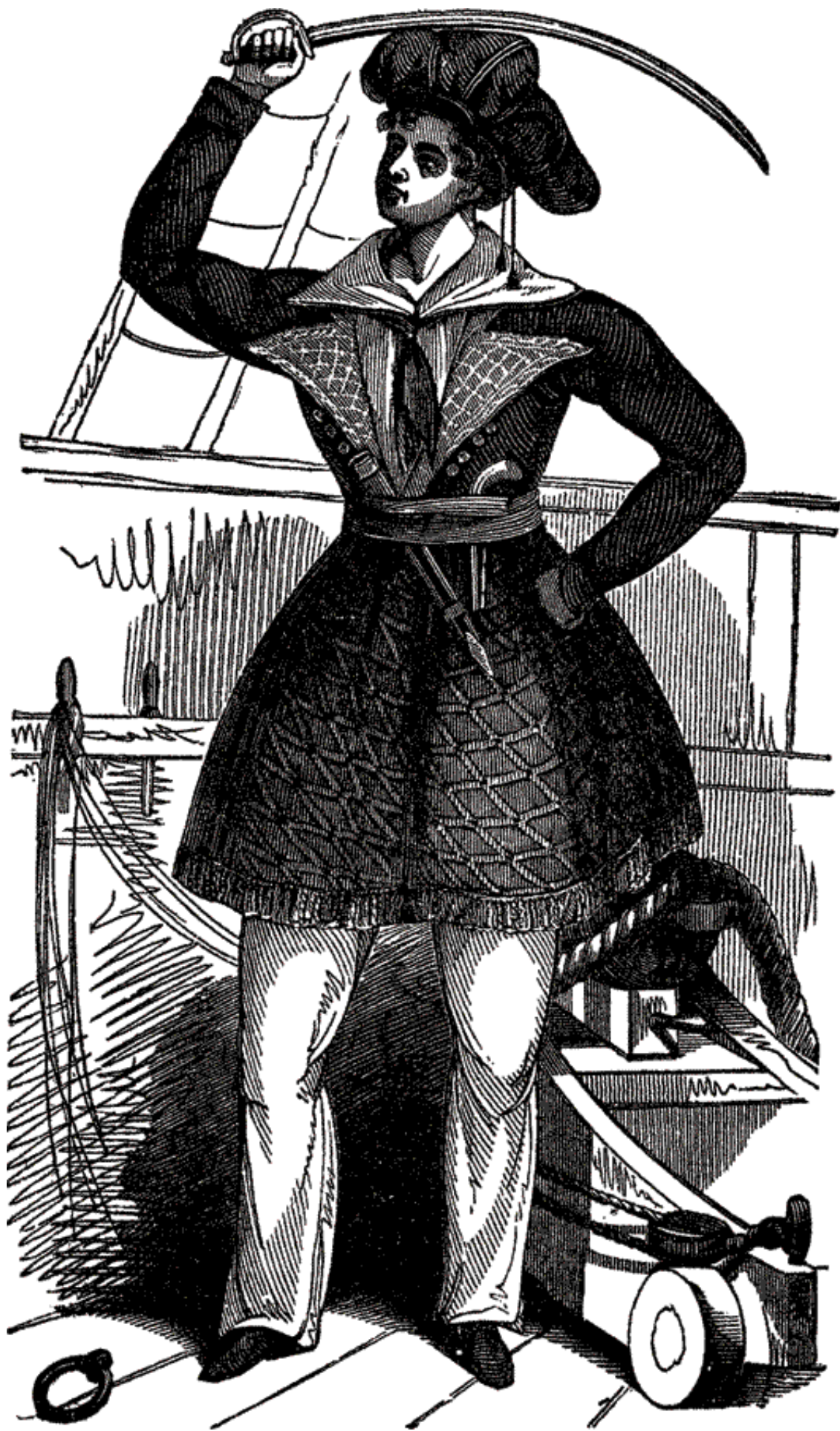
век, после чего дело передавалось другому жюри, как того требовало общее право. Среди комиссионеров всегда было несколько судей общего права. В США дела пиратов рассматривает выездная сессия окружного суда.

Пиратство появилось в глубокой древности; в ту пору все небольшие морские государства занимались морским разбоем и плавание были очень опасными. Это занятие считалось таким привычным, что на него не обращали особого внимания, а все путники – не важно, кем они были: купцами, путешественниками или пиратами, – пользовались законами гостеприимства. Так, Нестор, угостив на славу Ментора и Телемаха, говорит, что теперь, когда пир завершен, настало время спросить у гостей, чем они занимаются. «Кто вы, – спрашивает стареющий государь, – купцы, плывущие в какой-нибудь порт, или простые авантюристы, или пираты, которые бороздят моря безо всякой цели и живут наживой и разрушением?»

Датские и норманнские пираты

Саксы, которые, по-видимому, ведут свое происхождение от кимров, объединив рыболовный промысел с пиратским, с древнейших времен совершали грабительские набеги на берега Северного моря. В течение нескольких веков они опустошали побережье Галлии и Британии. В середине V века миролюбивый король Британии Вортигерн принял роковое решение обратиться к этим жестоким воякам с просьбой избавить его страну от разорительных набегов скоттов и пиктов, результатом чего стал поход Хенгиста и Хорса. Мы заговорили об этой эпохе не потому, что она имела большое политическое значение, а из-за последствий, к которым привели пиратские набеги, ибо их успехи внушили всем северным народам мысль заняться морским разбоем. Самыми активными в этом деле были датчане, норвежцы и шведы, умелые и храбрые мореплаватели. К какому бы берегу ни прибывали их ветры, они уносили все, что попадалось им под руки. Кнуд IV попытался было укротить своих подданных, но это ему не удалось. Более того, его действия так разъярили морских разбойников, что они решили его убить. Король Швеции, захваченный в плен датчанами, дал своим подданным, которые того пожелают, разрешение вооружаться против своего врага, грабить его имущество и продавать его в Рибнице и Голнице. Эти два города сделали самым настоящим рассадником пиратов, которые приняли название «Викталийские братья» и превратились в такую грозную силу, что несколько князей вынуждены были пойти на них войной и повесить вождей этих «братьев».

Эпидемия морских разбоев захватила даже женщин, которые с гордостью предались опасностям этого промысла. Интересную историю об одной такой женщине рассказал нам Саксон Грамматик. Альвида, дочь готского короля Си-нарда, желая избежать брака с Альфом, сыном датского короля Сигара, к которому ее принуждали силой, решила стать морской разбойницей. Облачившись в мужское платье, она набрала команду молодых женщин, прославившихся своей храбростью, и отправилась с ними в море. Все эти дамы тоже носили мужское платье. В первом же своем плавании она высадилась на берег, где морские пираты оплакивали гибель своего командира; их так поразили решительность и приятные манеры Альвиды, что они единодушно избрали ее своим вожаком. С этими разбойниками она обрела огромную силу, и принцу Альфу были велено разбить ее отряд. Она с большой храбростью и умением отбила все его атаки, но во время жестокой битвы в Финском заливе отряд Альфа взял ее корабль на абордаж, уничтожил большую часть команды и захватил капитана, то есть ее саму. Альф ее не узнал, поскольку она была в шлеме. Сняв его, принц был изумлен, увидев свою возлюбленную Альvidу. По-видимому, его доблесть произвела на прекрасную принцессу такое впечатление, что она согласилась стать его женой и обвенчаться прямо на палубе. После этого она разделила с ним его трон и все богатства.

Альвида, женщина-пират

Карл Великий, которого обычно изображают великодушным и гуманным, вздумал мечом навязать Германии те религиозные принципы, которыми он руководствовался; его жестокие казни и убийства, сопровождавшие этот поход, потрясли всю Европу. Самые воинственные язычники бежали в Ютландию, на родину саксов, где их приняли с радостью и снабдили оружием. Язычники принялись мстить Карлу Великому, совершая набеги на берега его государства. Сильнее всего страдали от них приморские города Франции. Французы называли этих разбойников норманнами, или северными людьми. На севере Франции к ним присоединилось множество недовольных правлением Карла людей, и вся провинция получила название Нормандия. Карл Великий, разозленный набегами норманнов, не только построил крепости в устьях крупных рек, но и решил создать флот. Он состоял из 400 самых крупных галер своего времени; на некоторых было до пяти-шести рядов весел. Однако его люди были совершенными невеждами в морском деле. Карл велел обучить их, но вскоре ему пришлось все бросить и поспешить на юг, куда вторглись сарацины.

Несколько лет спустя другой отряд норманнов, в поисках новых мест для жизни или сгорая от желания отомстить за своих предков, вторгся в южные провинции Франции. Потомство Карла Великого к тому времени уже измельчало и страдало от постоянных раздоров, что сильно облегчало задачу норманнам. Людовик Дебонар прилагал все усилия, чтобы поддерживать с ними добрые отношения. Каждый год ему удавалось убедить некоторую часть норманнов принять христианство, после чего отправлял их домой с богатыми дарами. Вскоре выяснилось, что эти норманны стали приезжать во Францию и неоднократно принимали крещение, чтобы получить подарки короля, как сообщает нам Дючези. После смерти Людовика его сыновья разделили империю отца на части, и пираты не преминули этим воспользоваться. Почти каждое лето они выходили в море на своих легких рыбачьих лодках, поднимались вверх по Сене, Сомме и Луаре и опустошали, почти не встречая сопротивления, самые богатые провинции Франции. В 845 году они захватили и разграбили Париж и уже готовы были атаковать лагерь короля в Сен-Дени, но, получив большие деньги от Карла Лысого, ушли и разорили Бордо при поддержке Пепина, короля Аквитании. Через несколько лет эта разбойничья орда снова вторглась во Францию, разграбила Париж и сожгла большое аббатство Сен-Жермен де Пре. В 861 году Вайланд, знаменитый норманнский пират, возвращаясь из Англии, остановился на зимовку на берегах Луары, опустошил всю округу вплоть до Турени, отдал захваченных в плен женщин и девушек своим солдатам и даже увел с собой мальчиков, чтобы вырастить из них новых пиратов.

Пираты сбрасывают монаха со стен аббатства

Карл Лысый, не имея сил бороться с ними, заплатил Вайланду 500 фунтов серебра, чтобы тот прогнал своих соотечественников, грабивших окрестности Парижа. В результате этого Вайланд с флотом в 260 парусов поднялся вверх по Сене и атаковал норманнов на острове Узель. После долгого и упорного сопротивления им пришлось сдаться, и, заплатив 6000 фунтов золота и серебра в качестве выкупа, они покинули Францию, присоединившись к своим победителям.

Ремесло пирата, приносившее такие доходы, сделалось очень популярным, и число их постоянно возрастало. Под командованием «короля морей» Эрика они высадились на берегах Эльбы и Везера, разграбили Гамбург, проникли в глубь Германии и, выиграв две битвы, ушли, захватив огромную добычу. Усилившись, они продолжали опустошать Германию, Францию и Англию; некоторые проникли даже в Андалузию и Этрурию, где разрушили процветавший город Люни. Шведы, спустившись по Днепру, добрались до Руси.

Тем временем датчане сделали несколько попыток закрепиться в Англии, которая привлекала их своим плодородием. Они совершили несколько походов в Англию, часть которых оказались успешными, а часть потерпела полный провал. Наконец, после нескольких лет борьбы они добились успеха, и королю Альфреду пришлось отдать им свою страну на разграбление. Сразу же после этого они напали на Ирландию и разделили ее на три суверенных государства: Дублин попал под власть Олауфа, Уотерфорд – Ситриха, а Лимерик – Йивара. Завоевание Ирландии ослабило силы врага, и, воспользовавшись этой возможностью, Альфред вывел свою армию, обрушился, словно молния, на датчан и устроил им кровавую бойню. Этот король, слишком мудрый, чтобы уничтожить пиратов до конца, поселил их в Нортумберленде, разоренном их же соотечественниками, и своей гуманной политикой завоевал их признательность; они стали ему служить. Альфред отвоевал Лондон, укрепил его, снарядил флот и, подчинив себе датчан, живших в Англии, не позволил другим высаживаться на ее берегу. За

двенадцать лет мира, который наступил после шестидесяти шести битв, этот великий король составил свод законов, разделил Англию на графства, сотни и десятки, и основал Оксфордский университет. Но после смерти Альфреда берега Англии снова подверглись нападению пиратов, среди которых самыми грозными были датчане, более сотни лет сеявшие ужас и разорение на берегах Темзы, Мидвея, Северна, Тамара и Эйвона. Власти пытались сдержать их с помощью крупных взяток, для выплаты которых был введен налог, получивший название Датской деньги. Этот унижительный и тяжелый налог, подобно многим другим, взимался еще очень долго после того, как надобность в нем отпала.

В конце IX века один из сыновей Ронгвальда, графа Оркадского, по имени Хорольф, или Ролло, постоянно тревоживший побережье Норвегии своими набегами, был наконец разбит и изгнан Гарольдом, королем Дании. Ролло нашел приют на скандинавском острове Содеро, где обитало множество преступников и беглецов. Угадав их желания, он сумел подчинить их себе. Вместо того чтобы снова скрестить мечи с королем, он пошел по следам своих соотечественников и принялся грабить самые богатые области Северной Европы. Первое нападение его банда совершила на Англию, но, увидев, что с Альфредом ему не справиться, он отошел в устье Сены и решил воспользоваться слабостью французов. Хорольф, однако, не ограничился захватом добычи; ему захотелось навсегда поселиться в прекрасной стране, которую он ограбил, и после многих договоров, заключенных и нарушенных, получил от Карла Простоватого в качестве ленного владения герцогство Нормандию, а также Гислу, дочь французского монарха, на которой и женился. Так простой пират основал династию, члены которой некоторое время спустя стали королями Англии, Неаполя и Сицилии, а слава об их талантах и доблести разнеслась по всему миру.

Однако Европа подвергалась набегам не одних только северных пиратов. Мусульмане в Азии, захватив Сирию, сразу же вторглись в Африку, а последовавшее за этим завоевание Испании способствовало их вторжению во Францию. Они грабили покоренные страны, лишь изредка получая сокрушительный отпор. Мусульманские корсары, хозяйничавшие в Средиземном море, совершали набеги на берега Италии и даже угрожали погубить Восточную Римскую империю. Пока император Алексей воевал на берегах Дуная с Пачинасом, Заха, сарацинский пират, захватил архипелаг, построив с помощью одного жителя Смирны флотилию из сорока бригантин и множества легких весельных лодок, которыми управляли такие же авантюристы, как и он. Овладев рядом соседних островов, он объявил себя государем Смирны, которая лежала в центре приобретенных им владений. Здесь он царствовал какое-то время, и его дружбы добивался Сулейман, никейский султан, сын великого Сулеймана. Около 1093 года он женился на дочери Захи, но на следующий год молодого Сулеймана убедили в том, что тесть положил глаз на его владения, и он собственноручно вонзил Захе кинжал в сердце. Успехи этого флибустьера показали, что восточные императоры не могли не только защитить свои собственные острова, но и помочь им.

Морское дело быстро совершенствовалось, и успехи пиратских экспедиций, особенно в тех случаях, когда они маскировались под торговые плавания и в их организации принимали участие купцы, привели к тому, что пиратством занялись состоятельные люди из известных семей. Особенно много таких людей было среди венецианцев и генуэзцев. Предприимчивые авантюристы из Генуи и Венеции, раздобыв оружие, поступали на службу к тем странам, которые не стеснялись их нанимать, или сами совершали набеги, если знали, что добыча окупит все их затраты. Примерно в то же самое время европейцы узнали о русских, которые отметили свой дебют в истории пиратскими набегами на Константинополь, который они мечтали разграбить. Спустившись по Борисфену (Днепру) на сотнях лодок, русские менее чем за два столетия совершили четыре попытки опустошить город цезарей, и прогнать их сумел только знаменитый греческий огонь.

Англичане в ту эпоху почти не занимались пиратством; не было у них и того, что достойно было бы называться флотом. Тем не менее Ричард Львиное Сердце даровал Европе морские законы. Английские моряки своим мастерством превосходили моряков всех других стран, и король Иоанн издал указ, который гласил, что иностранные суда, отказавшиеся спустить свои флаги перед британскими, становятся законной добычей англичан, если те сумеют их захватить. При короле Генрихе III, невзирая на то что Хью де Бург, комендант Дуврского замка, разгромил французский флот, повелев бросить известковую пыль в глаза своих противников, морские силы были ослаблены до такой степени, что норманнские и бретонские пираты оказались слишком сильными для Пяти портов и вынудили их искать помощи у других портов королевства. Желание грабить стало таким распространенным и заразительным, что разные страны разрешили своим жителям заниматься каперством, но каперы быстро превратились в самых жестоких пиратов. Более того, в борьбе Генриха и его баронов жители Пяти портов, которые обращали мало внимания на приказы короля, в 1244 году открыто встали на сторону мятежных баронов и по приказу Симона де Монфора сожгли Портсмут. После этого, позабыв, зачем они взяли в руки оружие, мятежники из Пяти портов перешли к открытому пиратству и, заботясь только о своих личных интересах, стали грабить не только иноземные корабли, которые имели несчастье попасться им на пути, но и суда своих сограждан. И это касалось не только пиратских кораблей, на которых выходили в море жители Пяти портов; их пример оказался заразительным для всякого рода авантюристов, и одна наглая компания на побережье Линкольншира захватила остров Или, превратив его в склад награбленного в соседних графствах добра. Человек по имени Вильям Маршалл построил на маленьком острове Ланди, расположенном в устье реки Северн, крепость и так досаждал всем своими пиратскими набегами, что для его захвата была послана целая эскадра. Вильям был схвачен и казнен в Лондоне, однако это не отвратило других от занятий морским грабежом. Король не имел достаточного количества кораблей для того, чтобы разгромить многочисленный пиратский флот, и разбойные нападения пиратов еще более двадцати лет позорили имя англичан. И только мужество и настойчивость храброго принца Эдуарда сумели привести их к повиновению, которого так и не смог добиться его царственный родитель.

Походы, получившие название Крестовых, могли бы покончить с пиратством, если бы тот сброд, из которого состояли войска крестоносцев, не был бы таким же беспринципным, как и самые худшие из пиратов. С тех пор как Петр Отшельник воспламенил своими речами Европу, люди всех сословий и всех национальностей устремились на Восток; все суда были заняты только тем, что перевозили толпы разношерстного народа, жаждавшего попасть в Палестину: кто из религиозного рвения, кто из фанатизма, кто из желания выделиться, кто из стремления получить привилегии, которые полагались крестоносцам, а остальные (их было больше всего) – ради наживы и грабежа. Армии, которые совершили не меньше девяти походов, снаряжались в большой спешке и очень небрежно, да и брали в них кого попало, поэтому нет ничего удивительного в том, что они отправлялись в путь с большой задержкой, что многие суда затонули по пути и, в конце концов, вся эта затея потерпела крах. Тем не менее эти походы, во время которых гигантские массы людей отправлялись в неизвестные им страны, способствовали прогрессу цивилизации, хотя большая часть крестоносцев сложила на Востоке свои головы. И тот, кто утверждает, что пользы от этих походов не было никакой, все-таки не станет отрицать, что от некоторых зол удалось избавиться. Монтескье писал, что Европа нуждалась в сильном шоке, который на примере контрастов научил бы ее теоремам общественной экономики, приводящим к счастью. И не может быть никаких сомнений, что эти походы, сильно уменьшившие население Европы, разбазарившие ее богатства и заразившие европейцев новыми болезнями и пороками, ослабили цепи феодальной системы, усилив власть короля и общин. Кроме того, после этих походов резко возросла торговая деятельность европейцев, ярость человеческого

духа была укрощена, сельское хозяйство стало безопасным и более продуктивным, что создало фундамент для настоящего процветания.

Приключения и подвиги капитана Эвери

В этой главе рассказывается о том, как он захватил большой могольский корабль, нагруженный сокровищами, а также о колонии пиратов на острове Мадагаскар.

В те времена, когда капитал Эвери был еще жив, рассказы о его приключениях ходили по всей Европе. Говорили, что он женился на дочери Великого Могола, которую захватил вместе с индийским кораблем, попавшимся ему на пути, и собирался основать новую монархию. Он раздавал от своего имени приказы капитанам кораблей и командующим войсками, которые признавали его своим принцем. В результате этого было решено снарядить сильную эскадру, чтобы захватить Эвери в плен вместе со всеми его людьми; в другой раз предлагали пригласить его домой со всеми его богатствами, обещав ему прощение от имени его величества. Однако вскоре выяснилось, что рассказы о богатстве капитана Эвери совершенно не соответствуют истине, а он сам, не имея за душой ни гроша, буквально умирал от голода, в то время как молва приписывала ему обладание миллионами. Но не будем испытывать терпение читателей и томить их неизвестностью, а лучше вкратце расскажем о жизни капитана Эвери.

Он родился в Девоншире (Англия) и ушел в море в очень раннем возрасте; продвинувшись по службе до помощника капитана на торговом судне, совершил несколько плаваний в дальние края. Это было еще до Рисвикского мира, когда Испания, Англия, Голландия и другие страны заключили союз против Франции. В ту пору французы, жившие на Мартинике, вели контрабандную торговлю с испанцами на территории Перу. Чтобы помешать им, было послано несколько судов, которые курсировали у берегов Перу, но французские корабли оказались им не по зубам; поэтому испанцы решили для борьбы с ними нанять иностранные суда. По их просьбе бристольские купцы снарядили два корабля с тридцатью орудиями на каждом, набрали опытных моряков, снабдили их всем необходимым и отправили в Корунну, где они должны были получить приказы от испанцев.

Это случилось в 1715 году. Одним из кораблей командовал капитал Гибсон, а Эвери служил у него помощником. Он был не столько храбрым, сколько хитроумным; втершись в доверие к самым храбрым морякам, он прельстил их рассказами о неисчислимых богатствах, которые можно захватить на испанском побережье, и предложил бежать, захватив корабль. Не успел он сделать это предложение, как оно было принято и приведено в исполнение в тот же вечер, в десять часов. Капитан Гибсон относился к тем людям, которые больше всего на свете любят свою бутылку, и много времени проводил на берегу, но в ту ночь он остался на корабле. Однако это не помешало изменникам осуществить свой замысел, ибо он принял свою дозу и улегся спать. Моряки, не посвященные в заговор, последовали его примеру, и на палубе остались одни заговорщики. В назначенное время пришла шлюпка с другого корабля, и Эвери встретил ее обычным приветствием. С лодки спросили: «Ваш пьяный капитан на борту?» Это был пароль, на который был дан утвердительный ответ. Шлюпка пристала к судну, и шестнадцать моряков, которые решили присоединиться к заговорщикам, взобрались на борт. Задраив все люки, они осторожно подняли якорь и бесшумно вышли в море. В заливе стояло несколько судов, не считая сорокапушечного голландского корабля, капитану которого утром предложили догнать Эвери, но он отказался. Когда капитан удравшего судна проснулся, Эвери и другие заговорщики вошли в его каюту и увидели, что он еще не совсем пришел в себя. Он спросил: «Что это с нашим кораблем? Он что, движется или мне это только кажется? Там что, штормит?», думая, что корабль сорвало с якоря штормом. «Нет, нет, – ответил Эвери. – Просто мы вышли в море. Ветер попутный, и погода отличная». – «В море? – изумился капитан. – Как это произошло?» – «Не бойтесь, лучше оденьтесь, и я посвящу вас в нашу тайну. Вы должны знать, что капитан теперь я и каюта теперь моя, так что вам лучше отсюда убраться. Мы идем к Мадагаскару, чтобы стать богатыми, и эти храбрецы идут с нами».

Капитан немного пришел в себя и начал понимать, о чем идет речь. Однако его страх еще не прошел, и Эвери, заметив это, сказал, что бояться ему нечего, ибо, заявил он, «если вы захотите идти с нами, то мы вас примем; а если вы перестанете пить и займетесь делом, то со временем я, возможно, сделаю вас одним из моих помощников; если же нет, то вот вам лодка, и отправляйтесь на берег». Гибсон решил покинуть корабль; на палубу вызвали всю команду, чтобы узнать, не желает ли еще кто сойти на берег. Таких оказалось всего пять или шесть человек.

Эвери продолжил свой путь к Мадагаскару, но по дороге ему не удалось захватить ни одного судна. Подойдя к северо-восточной части острова, он обнаружил там два стоящих на якоре шлюпа, команды которых, увидев его корабль, перерезали якорные канаты и выбросились на берег. Высадившись на сушу, они бежали в лес. Эти два шлюпа они угнали из Восточной Индии, а увидев корабль Эвери, решили, что их настигла погоня. Эвери догадался, почему эти люди бежали; он послал на берег своих матросов, велел найти беглецов, сообщить им, что вновь прибывшие – их друзья, и предложить объединиться ради общей безопасности. Моряки со шлюпов были хорошо вооружены. Они укрепились в лесу и выставили часовых, которые должны были следить, не высаживаются ли пришельцы на берег, чтобы напасть на них. Увидев, что к ним приближаются два или три человека, часовые не стали стрелять. Когда пришедшие сообщили им о своих намерениях, матросы со шлюпов отвели их к своим командирам, где люди Эвери рассказали о цели своего визита. Команды шлюпов поначалу решили, что их хотят заманить в ловушку, но, когда послы рассказали, что их капитан тоже угнал свой корабль и что он готов встретиться с ними без оружия, посоветовались и решили принять предложение. Обе стороны были очень довольны, ибо их силы удвоились.

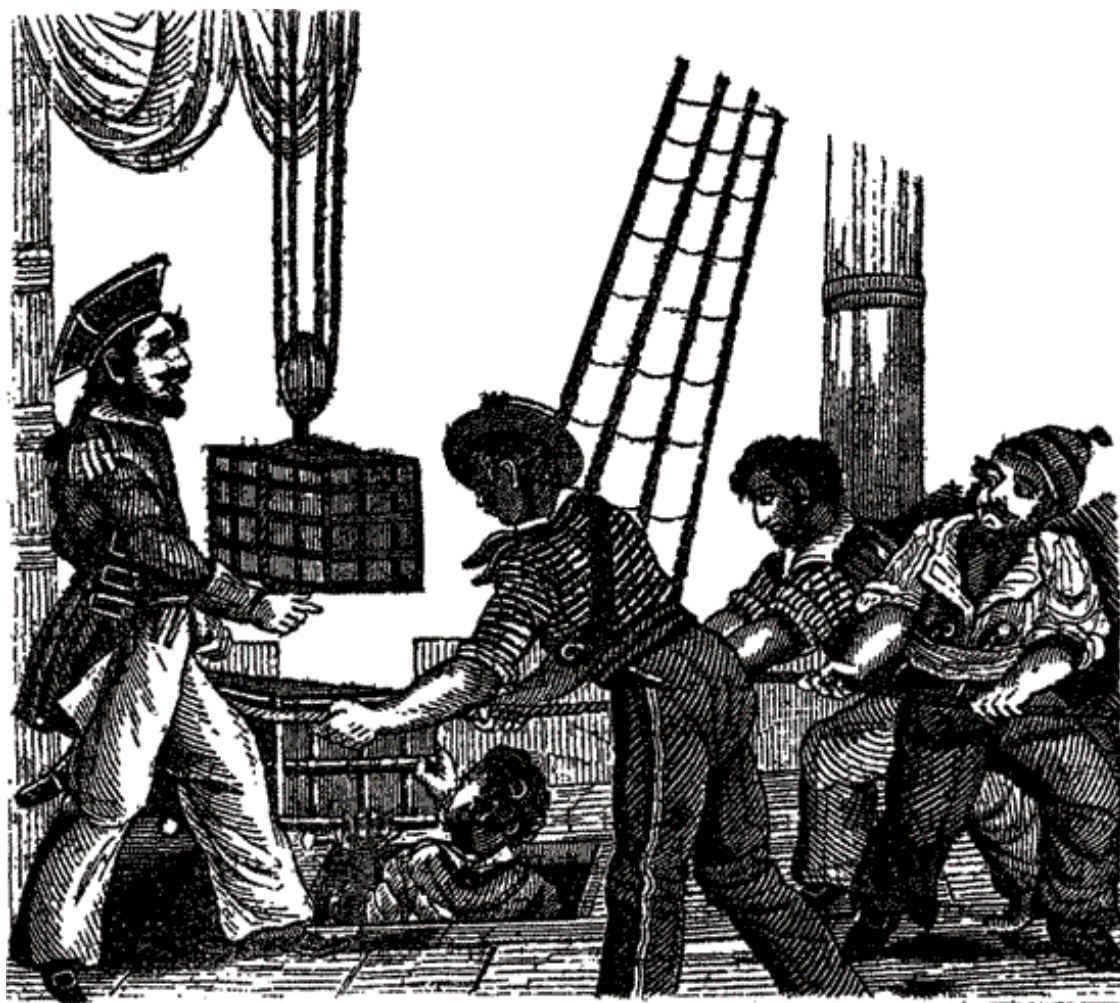
Согласовав дальнейшие действия, моряки сняли с мели свои шлюпы и, подготовившись к путешествию к арабскому побережью, вышли в море. Неподалеку от реки Индус человек, сидевший в корзине на мачте, заметил парус, за которым они погнались; приблизившись, пираты обнаружили, что парус принадлежит высокому судну, которое вполне могло быть восточноиндийским. Впрочем, оно оказалось гораздо более ценным призом – когда они выстрелили в него, на судне подняли могольский флаг и приготовились дать отпор. Эвери принялся обстреливать этот корабль с большого расстояния; вскоре кое-кто из его людей начал понимать, что он совсем не тот храбрец, за которого себя выдает. Шлюпы тем временем атаковали судно: один – с кормы, а другой – со шканцев, и взяли его на абордаж. Команда спустила флаг, и тут выяснилось, что этот корабль принадлежит Великому Моголу и на его борту находится несколько вельмож его двора, среди которых, говорят, даже одна из его дочерей. Все они плыли в Мекку в качестве паломников и везли с собой богатые дары, которые собирались положить на могилу Магомета. Известно, что люди Востока путешествуют с большим размахом; вельможи, плывшие на этом корабле, везли с собой всех многочисленных рабов и слуг, а также большое количество золотых и серебряных сосудов и огромную сумму денег для оплаты своего путешествия по суше. Так что добыча, доставшаяся пиратам, была почти неисчислимой.

Захват пиратами Эвери корабля Великого Могола

Перенеся богатства на свои корабли и забрав с захваченного корабля все, что составляло хоть какую-то ценность, они отпустили его. Как только весть об этом дошла до Великого Могола, он стал грозиться, что пошлет сильную армию и выгонит англичан из всех их поселений на индийском побережье. Ост-Индская компания очень встревожилась, но нашла средство успокоить гнев Великого Могола, пообещав изловить пиратов и передать их в его руки. Шум, который произвело это дело в Европе, и породил слухи о сказочном богатстве Эвери.

Тем временем пираты направились обратно к Мадагаскару, собираясь устроить там склад награбленных сокровищ, возвести небольшой форт и держать там несколько человек для охраны награбленного. Эвери, однако, спутал все их планы.

Капитан Эвери принимает на борт своего корабля три сундука с сокровищами

Держа курс на Мадагаскар, он отправил на оба шлюпа своих посланцев, которые сообщили их капитанам, что Эвери вызывает их к себе на корабль для совещания. Они выполнили его приказ и явились; он предложил спрятать захваченные богатства где-нибудь на берегу, заметив, что главная проблема заключается в том, чтобы доставить их на берег в целости и сохранности. Если же какой-нибудь из шлюпов будет атакован по отдельности, добавил он, то он не сумеет отбиться от нападающих и будет либо утоплен, либо захвачен в плен. Его же корабль прочен, хорошо вооружен и укомплектован обученной командой, да к тому же еще быстроходен, так что, по его мнению, догнать или победить его в бою не сможет никто. И Эвери предложил сложить все богатства в три сундука и отдать капитанам ключи от них при условии, что открывать сундуки можно будет только в присутствии всех троих. После этого надо будет снести все сундуки на его корабль, а потом спрятать в каком-нибудь безопасном месте на суше.

Это предложение показалось таким разумным и отвечающим общим интересам, что капитаны шлюпов безо всяких раздумий согласились его принять. Все награбленное было уложено в три сундука и перенесено на корабль Эвери. Погода была отличной; все трое провели этот и следующий день на его судне. Эвери тем временем собрав своих людей, сказал им, что теперь у них на борту есть все, что может сделать их счастливыми; «Так что же, – продолжил он, – мешает нам отправиться в какую-нибудь страну, где нас никто не знает и прожить оставшуюся жизнь в достатке?» Его команда быстро поняла, куда он клонит, и с радостью согласилась бросить шлюпы и удрать со всей добычей, что они и сделали, когда наступила ночь.

Читатель легко может представить себе ужас и негодование, охватившие команды двух других кораблей, когда утром они увидели, что Эвери исчез вместе со всеми их богатствами.

Эвери и его люди отправились в Америку, где их никто не знал, и договорились разделить добычу, изменить имена, поселиться по отдельности и жить в мире и почете. Первый остров, к которому они подошли, назывался островом Провидения, здесь совсем недавно появились первые поселенцы. Однако пираты испугались, что такой большой корабль при условии, что сообщения об угоне похожего из Груана разошлись по всему миру, может вызвать подозрение. И решили от него избавиться. Эвери стал распускать слухи, что его корабль был снаряжен для каперства, но, поскольку ему не повезло, хозяин велел при первой же возможности от него избавиться. Благодаря этим слухам он быстро нашел покупателя. Продав корабль, Эвери тут же приобрел небольшой шлюп.

Он и его спутники отплыли на этом шлюпе и высадились в разных местах на побережье Америки. Они разъехались, купили себе землю и зажили на новом месте.

Эвери, однако, сумел припрятать большую часть драгоценных камней и других дорогих вещей, поскольку размеров награбленного никто из моряков не знал. Приехав в Бостон, он собирался было уже осесть здесь, но, поскольку изрядная часть его сокровищ состояла из алмазов, понял, что не сможет продать их в этом городе, не будучи заподозренным в пиратстве. Подумав хорошенько, он решил уехать в Ирландию и вскоре прибыл в северную часть этой страны, где поселились многие его люди. Некоторым удалось получить помилование от короля Вильгельма, и они осели в Ирландии.

Несметные богатства ничуть не облегчили жизнь Эвери, а, наоборот, причинили ему массу неудобств. Он не решался выставить свои алмазы на продажу, опасаясь вызвать подозрения. Поразмыслив, однако, решил найти в Бристоле человека, которому смог бы довериться. Так он и сделал; приехав в Девоншир, послал письмо одному из своих друзей, предлагая встретиться в городе под названием Байдфорд. Там он рассказал этому человеку и нескольким его «друзьям» о своем сокровище, и они решили, что безопаснее всего будет передать награбленное добро в руки богатых купцов, которых они ему назовут и которые не станут спрашивать, откуда драгоценности взялись. Один из этих «друзей» сообщил Эвери, что знает людей, которые подходят для этого дела, и если он заплатит им хорошие комиссионные, то они провернут сделку без обмана. Эвери понравилась эта идея (впрочем, что ему еще оставалось – сам он заняться продажей алмазов не мог). Дело кончилось тем, что названные купцы посетили Эвери и после долгих уверений в своей честности и порядочности получили от него сокровища, состоявшие из алмазов и нескольких золотых сосудов. Оставив ему немного денег на жизнь, они удалились.

Эвери сменил имя и стал жить в Байдфорте очень тихо, чтобы не привлекать к себе внимания. Скоро деньги у него закончились, а от купцов не было ни слуху ни духу, хотя он постоянно писал им; наконец, они прислали ему немного денег, но этого не хватило даже на то, чтобы рассчитаться с долгами. Периодически они присылали ему кое-какие гроши, которых ему едва хватало на самую скромную жизнь. Поэтому он решил тайно приехать в Бристоль и потребовать у купцов расчета, но вместо денег получил угрозы. Когда он потребовал, чтобы они расплатились с ним, купцы заткнули ему рот, пригрозив рассказать властям, кто он такой, показав тем самым, что сухопутные пираты не уступают в жестокости морским.

После этого он, неизвестно почему, сразу же уехал в Ирландию. Может, испугался их угроз, а может быть, кто-то узнал его на улице Бристоля. Эвери засыпал бристольских купцов требованиями прислать ему денег, но безуспешно; в конце концов он вынужден был идти побираться. В отчаянии Эвери решил вернуться и отдать себя на милость этих «честных» купцов, решив про себя – будь что будет. На торговом судне он добрался до Плимута, а оттуда пешком дошел до Байдфорда. Пробыв здесь несколько дней, он заболел и умер; после него не осталось денег даже на покупку гроба!

А теперь вернемся назад и расскажем нашим читателям о судьбе двух других шлюпов. Подумав, что Эвери ночью ушел вперед, капитаны спокойно привели свои суда к месту рандеву, но, к огромному разочарованию, никто их там не ждал. Им не нужно было подсказывать, что надо делать в такой сложной ситуации. Провизия на борту шлюпов подошла к концу; на берегу можно было наловить дичи, а в прибрежных водах – рыбы, но у них не было соли для ее засолки. Понимая, что выжить в море без еды невозможно, они решили поселиться на берегу. Соорудив палатки из парусов и сняв все необходимое со шлюпов, они разбили на берегу лагерь. К счастью, у них было много оружия. Вскоре они повстречали своих соотечественников; здесь надо сделать небольшое отступление, чтобы объяснить, как те сюда попали.

Капитаны Джордж Дью и Томас Тью получили от губернатора Бермуд приказ отплыть к устью реки Гамбии в Африке и с помощью солдат Королевской Африканской компании захватить французскую факторию, расположенную на этом берегу. Дью попал в жестокий шторм, ветром у его корабля сломало мачту, к тому же он потерял из виду своего спутника. Ему пришлось вернуться, чтобы отремонтировать корабль. Тью, вместо того чтобы идти к месту назначения, отправился к мысу Доброй Надежды, обогнул его и двинулся на север, в Баб-эль-Мандебский пролив. По пути он повстречал большое судно, до краев нагруженное товарами, шедшее из Индии в Аравию. На борту этого корабля было три сотни солдат, не считая моряков, но Тью решил напасть на него и вскоре взял в плен. Говорят, что от продажи груза на каждого моряка Тью пришлось по три тысячи фунтов. Узнав от своих пленников, что на подходе еще пять таких же судов, Тью задумал напасть на них, но вынужден был отказаться от этого из-за протестов своего квартирмейстера и других членов команды. Тью и его моряки решили не выходить больше в море и поселиться в каком-нибудь удобном месте на берегу; выбран был остров Мадагаскар. Впрочем, Тью и несколько других моряков вскоре уехали в Род-Айленд и получили там прощение.

Коренные жители Мадагаскара – негры, которые отличаются от гвинейских длиной волос и более темным цветом кожи. Они составляли несколько малочисленных племен, каждое из которых имело своего вождя и вело нескончаемую войну с соседями. Пленников, захваченных в бою, превращали в рабов, продавали или убивали, кому как захочется. Когда среди них поселились морские разбойники, вожди принялись искать с ними союза, и те племена, которым пираты помогали, всегда одерживали победу, ибо местные жители не имели огнестрельного оружия. Пришельцы наводили на негров такой ужас, что само появление нескольких пиратов на поле боя способно было обратить противника в бегство.

Капитал Тью атакует корабль, идущий из Индии

Благодаря этому пираты за короткое время стали очень богатыми и влиятельными. Пленные, которых захватывали в бою, обрабатывали для них землю, самых красивых женщин они брали в жены. Им уже было мало одной; они заводили столько жен, сколько были в состоянии содержать. Естественно, они разделились – каждый выбрал себе удобное место, где мог жить по-царски, в окружении жен, рабов и своих подданных. Прошло немного времени, и столкновение интересов заставило их скрестить оружие, и во главе своих армий они встретились на поле боя. В ходе гражданских войн их число и мощь сильно уменьшились.

Раб, превратившийся в господина, как правило, становится тираном. Наши пираты, неожиданно ставшие повелителями племен, использовали свою власть с ужасающей жестокостью. В наказание за самую малую провинность человека привязывали к дереву и убивали выстрелом в голову. Пришло время, когда негры, возмущенные жестокой тиранией чужаков, решили за одну ночь избавиться от них. Осуществить этот план оказалось нетрудно, ибо пираты давно уже перессорились друг с другом и жили по отдельности. К счастью для них, одна негритянская женщина, оставшаяся им верна, пробежала за три часа двадцать миль и предупредила их об опасности. И прежде чем негры успели собраться, пираты объединились и напали на них с оружием в руках. После этого они стали вести себя осторожнее.

Понимая, что страх не является хорошей защитой и спящий храбрец может быть легко убит в своей постели трусом, они стали натравливать негритянских вождей друг на друга, не вставая ни на чью сторону. Это привело к тому, что побежденные бежали к ним за защитой и увеличивали их мощь. Когда не было войны, они провоцировали людские раздоры и побуждали обиженных мстить обидчикам. Они подсказывали, как застать своего врага врасплох, и вооружали негров ружьями, чтобы эффективнее и выгоднее их использовать. Это привело к тому, что убийцы бежали к ним за защитой, прихватив своих жен, дочерей и родствен-

ников. Они становились друзьями, ибо их собственная жизнь зависела теперь от безопасности их защитников. Благодаря этому пираты обрели такую силу, что ни один из местных принцев не осмеливался открыто напасть на них.

Придерживаясь такой политики, все вожди за короткое время обрели множество сторонников. Подобно другим племенам, они разделились и отправились на поиски земель, которые можно было бы обрабатывать, а также места, где можно было бы поселиться и создать гарнизоны для своей защиты. Всеми ими руководил страх, и они соперничали друг с другом в возведении безопасных жилищ и использовали любую возможность, чтобы предотвратить неожиданное нападение как со стороны негров, так и со стороны друг друга.

Пират и его мадагаскарская жена

Описание одного из таких жилищ поможет читателю понять, как силен был страх этих тиранов, а заодно и развлечет его. Для строительства выбиралось место, густо поросшее лесом, неподалеку от реки. Вокруг него насыпался вал или выкапывался ров. Стены вала делали такими крутыми, что взобраться на них не было никакой возможности, особенно тем, кто не имел осадных лестниц. Через ров перекидывали мост, по которому можно было пройти в лес; жилище, представлявшее собой хижину, сооружалось в самой безопасной части этого леса. Оно было так хорошо замаскировано, что заметить его можно было, только подойдя на очень

близкое расстояние. Но хитрее всего был устроен проход, который шел к этой хижине, — он был таким узким, что пройти по нему можно было только по одному. Этот проход представлял собой самый настоящий лабиринт; он шел кругами, и лишь небольшие перемычки соединяли эти круги, так что человек, не знающий дороги, проблуждал бы в нем несколько часов, так и не найдя хижину. По бокам тропинки острием вверх были врыты большие шипы одного из местных растений. Как уже говорилось выше, тропинка шла серпантином, так что человек, решивший подойти к хижине ночью, должен был обязательно напороться на эти шипы.

Так и жили эти тираны, боявшиеся всех и вся и ненавидимые всеми. В этом положении и нашел их капитан Вудс Роджерс, который прибыл на Мадагаскар на сорока-пушечном судне «Делиция» с намерением купить здесь рабов. Он пристал к той части острова, где семь или восемь лет не приставал ни один корабль. И встретился с пиратами, которые прожили здесь более четверти века. Из тех, кто когда-то высадился на острове, в живых осталось всего одиннадцать; они жили в окружении многочисленных детей и внуков.

Увидев корабль, который, как они подумали, прибыл за ними, пираты обезумели от ужаса и укрылись в своих жилищах. Но, заметив, что моряки сошли на берег без оружия и попросили продать им рабов, решились выйти из укрытия и, словно принцы, приблизились к морякам со всей своей свитой. Но они так долго прожили на этом острове, что одежда их совсем истрепалась. Нельзя сказать, чтобы они были облачены в лохмотья, но их бранные тела прикрывали лишь звериные шкуры, а ноги давно забыли о носках или ботинках. Они напоминали Геракла в львиной шкуре; заросшие волосами тела и бородастые лица делали их похожими на дикарей.

Отдав морякам рабов, они получили взамен приличную одежду и другие необходимые вещи. Вскоре они подружились с матросами, часто поднимались на борт их судна и с большим интересом изучали его трюмы и каюты. Они очень фамильярно разговаривали с их обитателями и приглашали их всех сойти на берег, поскольку задумали ночью захватить судно и уплыть. Людей и лодок для этого у них было вполне достаточно, но капитан догадался об их намерениях и выставил на палубе часовых, так что коварная задумка не удалась. Когда часть моряков сошли на берег, бывшие пираты попытались захватить судно, но капитал запретил своим людям разговаривать с ними, а для покупки рабов назначил человека, которому доверял. Так что судно ушло, оставив пиратов наслаждаться своей варварской властью. Один из них когда-то служил лодочником на Темзе, но, убив человека, бежал в Вест-Индию. Остальные были простыми матросами, и среди них не нашлось ни одного, кто умел бы читать или писать.

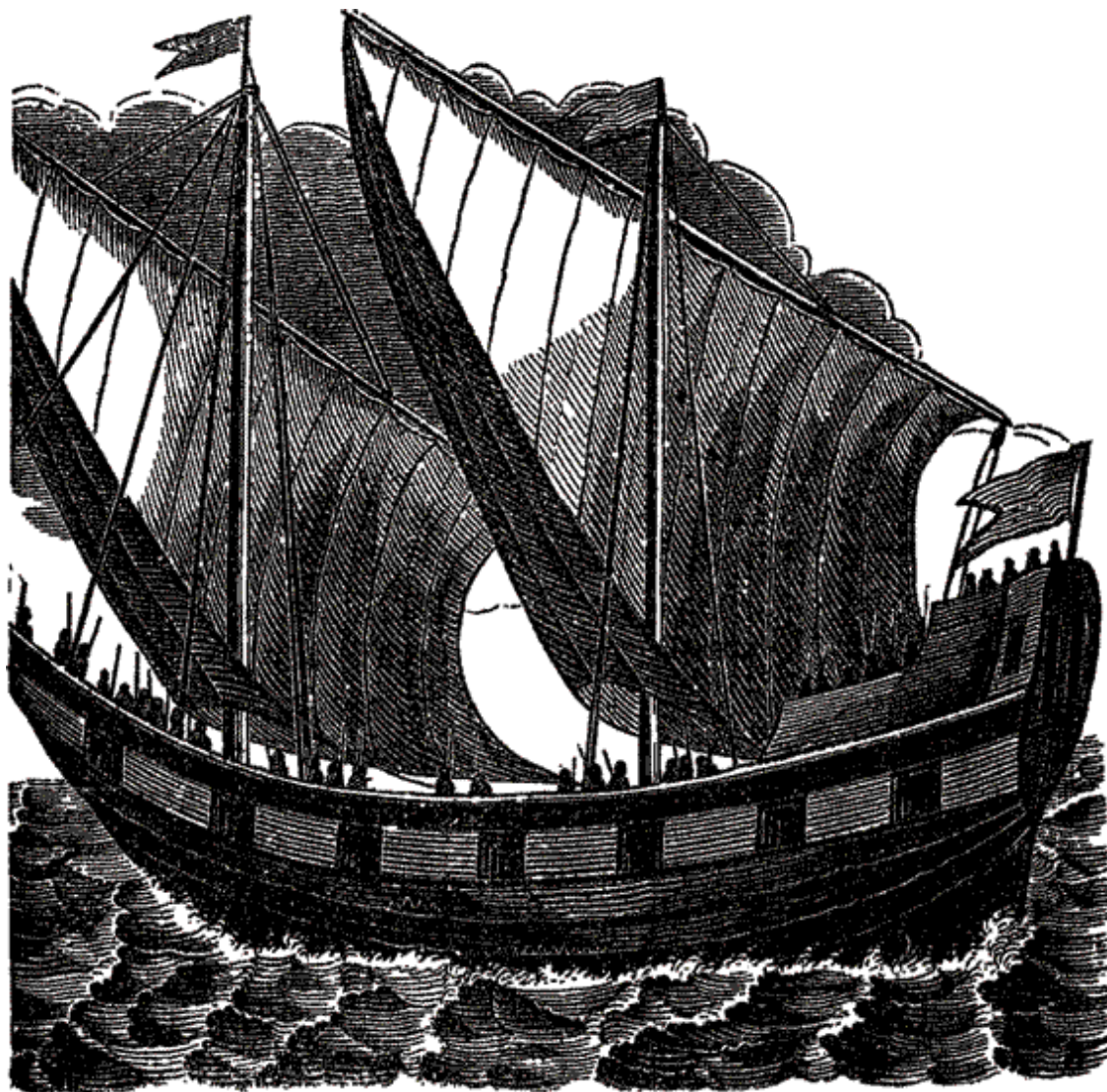
Сокровища капитана Эвери

Замечательная история иоассамитских пиратов в Персидском заливе

Содержит описание главного города пиратов Рас-эль-Хаймы, а также рассказ о захвате нескольких европейских судов и варварском обращении с их командами. Приводятся интересные подробности о нескольких экспедициях, посланных против этих пиратов, и их сдаче войскам английской Ост-Индской компании.

На побережье, которое тянется от мыса Муссендом до Бахрейна, на арабской стороне Персидского залива с незапамятных времен обитали арабские племена, называемые иоассамитами. Все они жили морским промыслом. Одни плавали на небольших суденышках в Буссору, Бушир, Мускат и даже в Индию, где вели свою торговлю; другие занимались рыбной ловлей на жемчужных банках Бахрейна; основная же часть нанималась матросами на небольшие суда, совершавшие каботажные плавания в Персидском заливе.

Но иоассамиты быстро поняли, что их местоположение позволяет снимать богатый урожай с кораблей, идущих по этой столбовой дороге мировой торговли, и обратились к пиратскому ремеслу. Первыми жертвами их нападений стали небольшие суденышки, плававшие в прибрежных водах залива, ибо защищаться им было нечем; но вскоре, ободренные успехом, пираты обратили свое внимание на более крупную добычу и, почувствовав вкус к разбою, который принес им богатство, решили перейти к масштабным набегам.

Иоассамитский доу в полном парусном вооружении

Около 1797 года в порту Бушира бросил якорь десятипушечный военный корабль Ост-Индской компании «Гадюка». В это же самое время там стояло несколько иоассамитских доу (одномастных каботажных судов). Но, поскольку они до этого нападали только на суда местных жителей, опасались Британии и уважали ее флаг, ни один английский корабль их еще ни разу не преследовал.

Тогда командиры арабских доу обратились к персидскому агенту Ост-Индской компании в Бахрейне и попросили его снабдить их ядрами и порохом для плавания. Агент, не догадываясь о том, что они задумали, выдал им предписания для старшего офицера «Гадюки» с требованием отгрузить все необходимое. Капитан корабля был в это время на берегу, в доме агента, но старший офицер получил это предписание и прислал на пиратские суда порох и ядра. Они загрузились и подняли паруса. Команда «Гадюки» в это время завтракала на палубе, а офицеры – в кают-компании; вдруг два доу открыли по ним огонь и пошли на сближение, явно намереваясь взять корабль на аборт.

Офицеры, выскочившие на палубу, велели матросам занять свои места и, обрубив якорные канаты, подняли паруса, чтобы иметь возможность маневрировать. Между небольшим крейсером и четырьмя пиратскими доу разгорелся самый настоящий бой, поскольку на борту этих доу стояли большие пушки, а команды их были весьма многочисленны. В ходе сражения лейтенант Керратерс, старший офицер британского корабля, был ранен в поясницу, но, пере-

вязав талию платком, продолжал командовать, пока не получил удар ядром в голову и не упал. Команда поручила мичману Солтеру принять на себя руководство боем; он продолжал храбро сражаться. Наконец, пираты бросились наутек; крейсер некоторое время гнался за ними, после чего встал на якорь в безопасном месте.

Прошло несколько лет, прежде чем раны, полученные в первом сражении с англичанами, затянулись, и пираты снова решились напасть на корабль, шедший под британским флагом, хотя против малых судов в проливе велась постоянная война. В 1804 году неподалеку от острова Кенн в Персидском заливе французский капер напал на крейсер Ост-Индской компании «Муха». Но прежде чем пираты сумели взять его на abordage, крейсер выбросился на мелководье у берегов острова, и командир утопил мешок с правительственными депешами и деньги, которые вез. Это было сделано на глубине 2,5 морской сажени (15 метров), а на берегу отмечены ориентиры, по которым, если представится такая возможность, можно будет найти это место и достать ценности. Пассажиров и команду отвезли в Бушир, где они были предоставлены сами себе. Собрав по подписке деньги, они купили небольшое суденышко, снабдили его всем необходимым и пустились в плавание, надеясь добраться до Бомбея. Проходя по заливу, они подумали, что не мешало бы достать мешок с депешами и деньги, затопленные у берегов Кенна; поэтому они подошли к острову и после некоторых усилий выловили их, полагая, что дело не терпит отлагательства, ибо депеши были отправлены в Индию из Англии. После этого, не теряя времени, они двинулись в Бомбей.

Неподалеку от выхода из залива их судно было захвачено флотилией иоассамитских лодок. Моряки «Мухи» пытались сопротивляться, но, ранив несколько человек, пираты отвезли их в свой главный порт Рас-эль-Хайма. Здесь моряков посадили в тюрьму, надеясь получить за них выкуп. Пока они жили в Рас-эль-Хайме, их показывали жителям города как диковинку, которую люди никогда ранее не видывали. Иоассамитские дамы желали осмотреть все до мельчайших подробностей; они не успокоились до тех пор, пока не убедились, чем именно необрезанные неверные отличаются от истинно верующих.

Несчастные англичане провели в арабском плену несколько месяцев, но никакой надежды на их выкуп не было. Тогда арабы решили избавиться от не приносящих никакого дохода пленников и убить их. Узнав об этом, моряки разработали план, как хотя бы на время оттянуть свою гибель. Они сообщили вождю пиратов о богатстве, которое они утопили у берегов острова Кенн, и о тех приметах, по которым можно было определить место и с помощью хороших ныряльщиков достать утопленные драгоценности. Они предложили достать их в обмен на свою свободу, и арабы торжественно поклялись отпустить их на волю, если они сумеют это сделать.

Вскоре моряки с «Мухи» в сопровождении ныряльщиков, которые добывали жемчуг на банках Бахрейна, прибыли к острову Кенн. Определив точное место гибели своего корабля, они встали на якорь и взялись за дело. Первые же ныряльщики нашли на дне деньги; вскоре вся команда принялась нырять, так что корабль на какое-то время оставался совсем пустым, если не считать пленных англичан. Они поняли, что им представилась уникальная возможность бежать, и заняли свои места, чтобы перерезать канат и поднять паруса, но их передвижения были замечены, и все ныряльщики снова вдруг оказались на палубе. Побег не удался! Впрочем, здесь они получили обещанную свободу; арабы высадили их на остров Кенн, откуда не было никакой надежды сбежать. Пираты тоже высадились на берег и устроили такую резню среди местных жителей, что англичане, опасаясь разделить их судьбу, бежали в поисках убежища в горы и попрятались там в углублениях среди скал. Живя здесь, они питались чем бог послал – под прикрытием ночи выходили из своего укрытия и, украв козла, тащили его к себе. Наконец, пираты закончили свое кровавое дело, убив или изгнав с острова всех его обитателей, и убрались прочь вместе с добычей, собранной на дне моря и на берегу. Англичане наконец решились выйти из укрытия и стали думать, как им спастись. Они уже совсем было

отчаялись выбраться отсюда, как на берег выбросило разбитую штормом лодку, которую еще можно было починить. Они принялись обыскивать заброшенный город и обнаружили другие материалы, которые могли им пригодиться, а также множество досок и бревен для сооружения плота. Лодка и плот были готовы в течение нескольких дней, и англичане, разделившись на две группы, отправились к персидскому берегу. Плот утонул, и все бывшие на нем погибли; зато лодка достигла желанного берега.

Добравшись до земли, они двинулись пешком в Бушир. Они шли вдоль побережья, надеясь попасть в деревни, где есть вода. Во время похода морякам пришлось испытать невыносимые тяготы и лишения. Никто из них не знал в совершенстве языка этой страны, а дороги и места отдыха и вовсе были им неизвестны. У них было мало денег и одежды, и их постоянно грабили и унижали. Питались они чем придется; часто им приходилось довольствоваться испорченными продуктами; днем у них не было убежища от палящих лучей солнца, а ночью – от холодной росы.

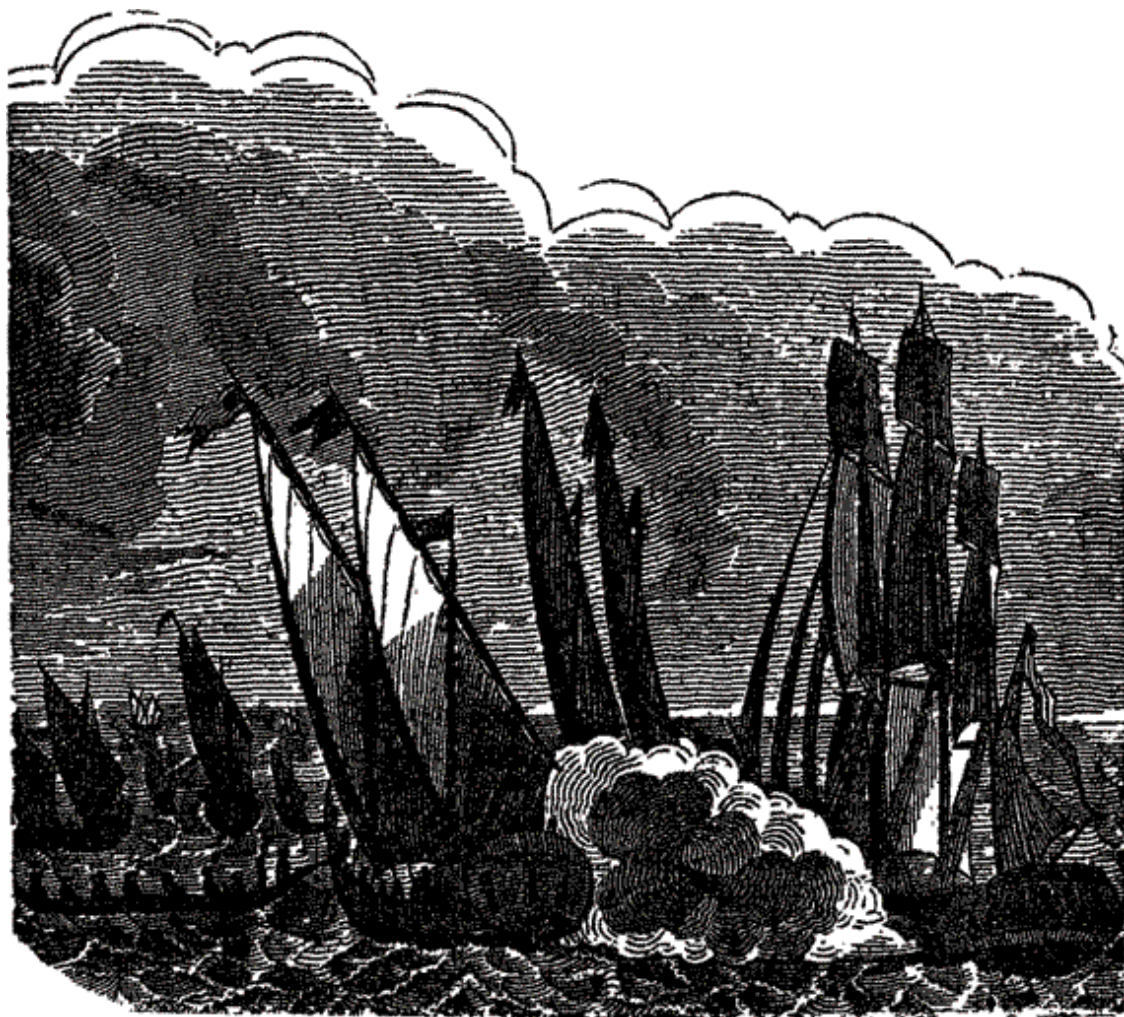
Индийские матросы и слуги, которые вышли с ними в этот поход, пали по дороге; приходилось бросать в пути даже обессилевших европейцев, сказав им последнее прощание. Уходящим вперед не на что было надеяться; они знали, что и их ждет такая же судьба. Однажды они оставили своего товарища, который не мог уже идти, всего лишь в миле от деревни. Утром они вернулись за ним, но нашли только обглоданные кости, ибо ночью здесь побывали шакалы. Тем не менее они не решались бросить пакет с депешами; хотя он был легкий, они так ослабели, что несли его по очереди. Сохранив этот пакет, несмотря на все препятствия и трудности, они достигли острова Бушип, до которого добрались на лодке. Здесь их задержал местный шейх, который в конце концов дал им лодку, чтобы они смогли добраться со своими депешами до Бушира. Отсюда они уехали в Бомбей; впрочем, из всей команды уцелело лишь два человека: мистер Джоул, офицер с торгового корабля, и английский матрос по имени Пенмел. Они-то и доставили в Бомбей мешок с депешами и письмами.

На следующий год из Бомбея в Буссору шли два английских брига, «Шеннон» под командованием капитана Бебкока и «Триммер» капитана Каммингса. Неподалеку от островов Полиор и Кенн на них напали пираты, и после слабого сопротивления, да и то одного лишь «Шеннона», оба корабля были захвачены, а часть команды на обоих судах была перебита. Один араб заметил, что во время перестрелки капитан Бебкок стрелял из мушкета, и этот капитан был отвезен на берег. Посоветовавшись, пираты решили отрубить ему руку, в которой он держал оружие. Она была отрублена одним ударом сабли, и никто не позаботился перевязать рану или наложить жгут, чтобы капитан не умер от потери крови. Бебкок, однако, сохранил присутствие духа и сам позаботился о себе. Увидев рядом с собой очищенное сливочное масло, он велел разогреть его и сунул туда кровоточащий обрубок руки. Кровотечение уменьшилось, и это спасло капитану жизнь. Команды обоих судов были захвачены в плен и отвезены в арабский порт, откуда моряки постепенно рассеялись по стране, а потом бежали на родину. На судах установили дополнительные пушки, и одно из них, несущее орудие и снабженное арабской командой, вышло из Рас-эль-Хаймы и, курсируя в заливе, захватило много новых судов.

Пираты отрубают руку капитану Бебоку

В 1808 году, когда силы иоассамитских пиратов возросли, а сами они уверовали в свою непобедимость, их атаки на суда под британским флагом стали более частыми и более наглыми. Первое судно, которое они захватили, шло из Бомбея в Буссору и называлось «Минерва». На него напало несколько пиратских судов (ибо они никогда не плавали в одиночку), которые в течение нескольких дней преследовали отбивавшийся от них корабль. Наконец, представился удобный случай для абордажа: толпы пиратов хлынули на борт «Минервы» и вырезали почти всех, кто на ней находился. Говорят, что капитана разрубили на куски и выбросили в море; пощадили лишь второго помощника и плотника, рассчитывая, очевидно, поставить их себе на службу, а также армянскую даму, жену лейтенанта Тейлора, ждавшего ее в Бушире. Быть может, они желали потешиться с ней, но ее удалось выкупить за большую сумму денег.

Флагманский фрегат, преследующий флотилию иоассамитских пиратов

Через несколько недель после этого «Сильф», один из крейсеров Ост-Индской компании, водоизмещением шестьдесят тонн и с восемью пушками на борту, шел в составе эскадры, которая сопровождала посольство. Это посольство, которое возглавлял сэр Хартфорд Джоун, направлялось из Бомбея в Персию. В заливе «Сильф» отстал от эскадры и подвергся нападению флотилии пиратских судов. По всему было видно, что они собираются захватить корабль; но, поскольку его командир, лейтенант Грэм, получил приказ от бомбейского правительства не открывать огня, пока эти суда не выстрелят по нему первыми, «Сильф» не успел подготовиться к бою. Он даже не успел поднять флаг, чтобы показать, какой стране он принадлежит. Пираты подошли к нему, зацепились длинными крючьями за борта и обрушили на его палубу град камней, которые убили или ранили почти всех, кто на ней стоял. После этого они взяли судно на абордаж и безо всякого труда захватили. «Сильф» успел сделать лишь один залп. По своему обычаю, пираты убили всех, кого смогли найти. Израненный лейтенант Грэм сумел забраться в передний люк своего корабля; матросы, спрятавшиеся в кладовой, затащили его к себе и заперли дверь на засов. Крейсер оказался в полной власти врага; подняв паруса, пираты, сопровождаемые флотилией судов, ликуя, направились в свой порт. Вскоре, однако, вдали показался фрегат, на котором находился командующий английской эскадрой. Увидев «Сильф» в окружении арабских судов, он понял, что крейсер стал добычей пиратов. Фрегат погнался за ними; арабы бросили «Сильф», попрыгали в лодки и пустились наутек. Командующий эскадрой приказал догнать суденышки пиратов, но тем удалось скрыться.

Наконец, участвовавшие нападения пиратов на английские суда привлекли внимание руководства Ост-Индской компании, и в Бомбее снарядили специальную эскадру для борьбы с ними. Эта эскадра состояла из флагманского фрегата «Ла Шиффон» капитана Вейнрайта, тридцативосьмипушечного корабля «Каролина», восьми крейсеров Ост-Индской компании: «Морнингтона», «Тернейта», «Авроры», «Принца Уэльского», «Ариэля», «Наутилуса», «Весталки» и «Гневного», и четырех крупных транспортов, оборудованных ловушками для ядер системы Стромболи. Эта эскадра вышла из Бомбея в сентябре и после долгого плавания вошла в порт Мускат, где провела несколько дней. Командам был дан отдых, а капитаны обсудили план предстоящей кампании. Наконец, корабли вышли в море и вскоре подошли к Рас-эль-Хайме, главному пиратскому порту в Персидском заливе. Эскадра бросила якоря напротив города и под прикрытием пушек высадила десант. Жители города хотели дать отпор врагу, но плотный строй, регулярные залпы, упорное продвижение солдат, завершившееся штыковой атакой, смели все препятствия. После атаки десанта на берегу остались горы трупов. Город был отдан солдатам на разграбление, после которого поступил приказ сжечь его. Город был подожжен в нескольких местах; около шестидесяти парусных лодок и пиратских кораблей, лежащих на берегу, а также захваченная арабами «Минерва» сгорели в огне.

Пиратское логово было уничтожено с незначительными потерями для нападавших; удалось взять кое-какую добычу, хотя основные богатства и ценные вещи были, по-видимому, увезены в глубь страны. Неожиданно прошел слух, что к Рас-эль-Хайме приближается большой отряд арабских солдат и, хотя они так и не появились, англичане решили покинуть сожженный порт. Погрузка на корабли производилась утром при дневном свете; эскадра стояла на якоре еще целый день, а на берегу собирались отряды арабов, которые махали флагами, потрясали копьями и стреляли из мушкетов из разных точек. Словом, победа англичан оказалась неокончательной, поскольку местное население не подписало договора о сдаче. Эскадра ушла в Лингу, небольшой иоассамитский порт, и сожгла его дотла. После этого силы разделились; большая часть солдат была послана в Мускат за подкреплением, а возможно, их вообще решили распустить за ненадобностью. Некоторые корабли отправились блокировать проливы. Оставшаяся часть эскадры, включавшая фрегат «Ла Шиффон» и четыре крейсера: «Морнингтон», «Тернейт», «Наутилус» и «Гневный», а также два транспорта с пятью сотнями солдат из Линги отправилась в Люфт, еще один порт иоассамитов. Поскольку пролив в этом месте был узок и в него было трудно войти, суда встали на якорь, а на берег был отправлен приказ о сдаче, ибо люди не покинули свой город, а остались на своих боевых постах – в большом и хорошо укрепленном замке с многочисленными батареями и редутами. Когда этот приказ был с негодованием отвергнут, на сушу высадились солдаты под командованием полковника Смита. Пока они строились на берегу, произошла небольшая стычка с жителями города, бежавшими в замок. После этого солдаты подошли к крепости, толщина стен которой равнялась четырнадцати футам. Они были пронизаны амбразами, а вход имелся всего один – маленькие ворота, защищенные железными брусками и засовами. Англичане собирались разбить эти ворота гаубицей, предназначенной как раз для этой цели, и взять замок штурмом, но, добравшись до стен, отряд разделился, и солдаты окружили крепость, надеясь найти еще одни ворота. Неожиданно из амбразур на них обрушился такой мощный град пуль, что они, бросив гаубицу, не успевшую сделать ни единого выстрела, бежали и залегли за дюнами, которые тянулись у подножия крепостных стен. Один ирландский офицер, выскочивший из укрытия и попытавшийся увлечь за собой солдат на спасение гаубицы, был убит на месте. Тех, кто поднимал голову, чтобы просто осмотреться, убивали из мушкетов. Отряд пролежал за дюнами до наступления темноты; только после этого солдаты смогли отойти к пляжу, откуда они отплыли на корабли. Неприятель не сделал вылазки, чтобы помешать им. Коменданту замка под угрозой бомбардировки города с кораблей снова приказали сдаться, но десант больше не высаживали. Когда наступил рассвет, все взоры обратились на крепость, и вся эскадра с изумлением увидела на

стене человека, который размахивал британским флагом. Это был лейтенант Холл, командир «Гневного», который стоял ближе всего к берегу. Ночью он в одиночку добрался до берега, держа в руке флаг, и подошел к воротам. Большая часть гарнизона уже покинула крепость, осталось лишь несколько человек, которые при виде приближавшегося к ним человека бежали, поскольку приняли его за командира отряда, идущего следом. Словом, замок был брошен, и смелый офицер поднял над ним британский флаг, к изумлению и восхищению всего флота. После этого англичане заняли город и все его укрепления. Протралив дно залива, экспедиция вернулась в Мускат.

После возвращения эскадры силы англичан увеличились за счет присоединения отряда, принадлежавшего имаму Муската, который должен был помочь им овладеть Шеназом, городом на побережье, захваченным иоассамитами. Прибыв туда, командующий послал в крепость парламентариев с требованием о сдаче, но оно было отвергнуто. С кораблей и лодок англичане принялись обстреливать город, но без особого успеха. На следующее утро все солдаты были высажены на берег, где приступили к сооружению укрепленного лагеря. Из песка были построены батареи и другие осадные сооружения. После обстрела, продолжавшегося несколько дней, во время которого по городу и крепости было сделано около четырех тысяч выстрелов, город сгорел, и его обитатели вынуждены были бежать в крепость. Наконец, командование решило, что стены не выдержат натиска, и отдало приказ штурмовать крепость. Однако арабы отчаянно сопротивлялись; они бились, пока руки могли держать меч, и бросали в англичан обломки башен, под которыми они были заживо погребены. Арабы потеряли убитыми и ранеными более тысячи человек. Несмотря на это, цель экспедиции не была достигнута, ибо только полное уничтожение иоассамитов могло обеспечить безопасное плавание в этом районе. Впрочем, после этого похода пираты еще несколько лет уважали британский флаг и боялись нападать на английские корабли.

Подвиг лейтенанта Холла

Однако в 1815 году их лодки стали снова появляться в проливе, ведущем в Красное море, а в 1816 году число арабов на берегах этого моря так сильно возросло, что их флотилия под командованием эмира Ибрагима захватила на виду у Мохи четыре судна, шедшие в этот порт из Сурата. Эти суда шли под британским флагом и были нагружены многочисленными товарами; их команды были полностью уничтожены.

Тогда в главный порт иоассамитов Рас-эль-Хайму была отправлена эскадра в составе корабля его величества «Челленджер» (капитан Бриджес) и крейсеров Ост-Индской компании «Меркурий», «Ариэль» и «Весталка». В Бушире на борт одного из них поднялся знаменитый исследователь Востока мистер Бэкингем. Прибыв в Рас-эль-Хайму, командующий потребовал выплаты компенсации за уничтожение четырех суратских кораблей и их грузов, сумма которой составила двенадцать лаков с рупиями. Приказано было также выдать на расправу командира пиратской эскадры эмира Ибрагима. Эти требования были изложены в письменном виде, и после получения ответа капитан Бриджес решил сойти на берег и допросить пиратского

вождя. Мистер Бэкингом писал: «Он попросил меня сопровождать его в качестве переводчика. Я с радостью согласился. Мы покинули корабль около девяти часов и сразу же направились к берегу, производя промеры глубин. Наш корабль стоял на глубине шести морских саженей (10,8 метра). Когда же в четверти мили от берега под нами оказалось всего две морские сажени (3,6 метра), мы поравнялись с четырьмя большими арабскими судами. Они стояли на якоре, вытянувшись в ряд и обратившись носовой частью к морю; на каждом было несколько пушек и множество людей. Высадившись на берег, мы увидели, что на всю длину пляжа выстроились в ряд вооруженные солдаты; некоторые имели мушкеты, но большинство держало в руках мечи, щиты и копья. В основном это были негры, которых иоассамиты в бою брали в плен, считая их скорее своей собственностью или товаром, чем врагами. Нам разрешили пройти через эту линию; когда же мы сообщили, что желаем увидеть их командира, нас провели к воротам главного здания, расположенного почти в самом центре города, где нас встретил пиратский вождь в сопровождении пятидесяти вооруженных бойцов. Я приветствовал его по мусульманскому обычаю; он безо всяких колебаний ответил мне тем же.

Вождь, Хассан бен Рахма, был невысоким человеком примерно сорока лет, с хитрым выражением лица и саркастической усмешкой на устах. На нем обычная арабская одежда – кашемировая шаль, тюрбан и алые шаровары персидского типа, которые отличали его от людей его свиты. Все они были облачены в самые скромные одежды. Один глаз у Хассана был поврежден, но черты его лица были правильными, красивые ровные зубы отличались исключительной белизной при темном цвете лица.

Город Рас-эль-Хайма стоит на узкой песчаной косе, северо-восточный берег которой омывается морем, а юго-западный – рекой, которая течет на юго-запад и позволяет лодкам беспрепятственно входить в гавань. У города нет сплошной стены, хотя в нескольких местах видны круглые башни и отдельные участки стен; возможно, их еще не успели восстановить после разрушения. Самым мощным пунктом обороны оказалась крепость, расположенная в северо-восточном углу, и двойная круглая башня неподалеку от центра города; и в той и в другой установлены пушки; все же другие башни представляют собой укрытия для мушкетеров. Остальная часть города застроена простыми домами из неотесанных камней и хижинами из тростника и длинной травы; между ними петляют узкие улочки. В городе проживает, по самым скромным подсчетам, тысяч десять. В настоящее время (1813 год) в порту Рас-эль-Хаймы стоят шесть ее собственных крупных судов с командой от восьмидесяти до трехсот человек и сорок других лодок, прибывших из других портов. Если собрать весь пиратский флот, то в него войдет не менее сотни лодок с восемью тысячами воинов на борту. После нескольких бесплодных попыток переговоров был отдан приказ [английским судам] подойти поближе к берегу. После этого поступил приказ вступить в бой. Эскадра выстроилась в линию и дрейфовала по ветру, который дул с моря; «Меркурий» – по правому борту, «Челленджер» – в центре, а «Весталка» – по левому. Замыкал колонну «Ариэль».

Мы видели, что у мыса Муссундун расположилась крупная флотилия небольших лодок, но она ушла, прижимаясь к берегу; через некоторое время она пересекла отмель и вошла в залив позади города. Прямая линия нашей эскадры располагалась как раз напротив четырех арабских судов, которые стояли на якоре; она постепенно смещалась со своей якорной стоянки до глубины примерно 4 метра, где были сброшены стоп-анкеры, имевшие пружины на канатах, и все корабли остановились, развернувшись к берегу бортом. Вся эскадра открыла огонь по пиратским кораблям. На их палубах толпился народ; общее число солдат, потрясавших в воздухе оружием, превышало, вероятно, шесть сотен. Отдельные снаряды длинноствольных пушек нашей эскадры долетали до берега и зарывались в песок; другие перелетали через пиратские суда и падали в воду неподалеку от них; словом, наш обстрел не причинил неприятелю вреда, ибо мы стояли всего лишь в миле от берега.

На всех фортах красовались арабские флаги; на берегу собрались толпы вооруженных людей, которые несли на шестах большие знамена. Воткнув эти шесты в песок, они принялись танцевать вокруг них, потрясая оружием – словно сосредотачивались вокруг священного штандарта. Словом, никаких признаков поражения и подчинения не наблюдалось. После того как пушки трех кораблей замолчали, «Ариэль» сделал еще около пятидесяти залпов, но и это не принесло успеха. Война завершилась переговорами и бескровной битвой, к которой они привели».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.